

О.А. Трунова

КРИТИКА СИСТЕМЫ КОНКУРСНЫХ ЭКЗАМЕНОВ В РОМАНЕ НГО ТАТ ТО «ПАЛАТКА И ТОПЧАН»

Данная статья посвящена критике системы конкурсных экзаменов в романе вьетнамского писателя Нго Тат То «Палатка и топчан». В работе обозначены и проиллюстрированы средства, используемые автором для критики этого института традиционного Вьетнама, а также показана неоднозначность авторского отношения к конфуцианскому прошлому своей страны.

Ключевые слова: конкурсные экзамены, школяр, конфуцианская система образования, Нго Тат То, «Состязание в императорском дворце», «Палатка и топчан».

The article dwells upon the criticism of imperial examination system in the novel 'The Tent and the Bamboo Bed' by a Vietnamese writer Ngo Tat To. The paper describes and illustrates the means used by the author to criticize this institution of traditional Vietnam, and also shows the ambiguity of the author's attitude to the Confucian past of his country.

Keywords: imperial examination, scholar, Confucian educational system, Ngo Tat To, The Tent and the Bamboo Bed.

Роман вьетнамского писателя-реалиста Нго Тат То «Палатка и топчан»¹ (Lều chõng) впервые появился на страницах газеты «Время» (Thời vụ) в 1939 г., а отдельным изданием вышел в 1941 г.

Палатка и топчан² — это те атрибуты, которые в традиционном Вьетнаме неизменно сопровождали школяров, отправлявшихся сдавать конкурсные экзамены. Посредством конкурсных экзаменов

осуществлялся набор чиновников для государственной службы. Во Вьетнаме межпровинциальные экзамены, т. е. экзамены первой ступени, проводились под открытым небом, на огороженном участке земли или поле, и поэтому экзаменующимся нужно было брать с собой не только кисти, тушь, бумагу, но и бамбуковый топчан и палатку. Таким образом, вьетнамского читателя слова «палатка и топчан» сразу же отсылали к вполне определенной тематике.

Обращение к теме конкурсных экзаменов, последние из которых прошли в 1918 г., в 1939 г. было несколько неожиданным, о чем говорится и в предисловии к роману самого автора. «Сегодня, услышав два слова «палатка» и «топчан», многие удивятся, ведь эти предметы уже тридцать лет как распрощались с нами и ушли из нашей жизни» [Нго Тат То 2012: 5], — так начинает свое предисловие Нго Тат То. Далее писатель приводит причины, побудившие его обратиться к давно забытой теме. Он стремится осмыслить историческое прошлое своей страны, ведь конкурсные экзамены, символом которых являются палатка и топчан, на протяжении тысячелетия определяли судьбу Вьетнама, и именно из них вышли те чиновники, которые сидели в императорском дворце и были опорой государства. «Для Вьетнама палатка и топчан — это словно предметы-творцы, сформировавшие множество и полезных, и никчемных людей, — пишет Нго Тат То. — Именно они сделали Вьетнам цивилизованной страной, но они же и привели страну к тому, что в течение длительного времени в ней происходили причудливые вещи, которые вызывают и смех, и слезы, и ужас, и волнение» [Нго Тат То 2012: 5]. В этих словах угадывается мысль писателя о том, что именно конкурсные экзамены поставили страну на край пропасти и привели к потере независимости. Таким образом, уже в предисловии автор открыто формулирует свое неоднозначное отношение к этому институту средневекового Вьетнама.

В нашей стране впервые на критику системы конкурсных экзаменов в романе «Палатка и топчан» указал Н.И. Никулин во вступительной статье к своему переводу этого произведения [Никулин 1982]. В еще одной статье — «Кризис традиционных вероучений и вьетнамская литература первой половины XX в.» [Никулин 2006] — он отмечал, что в конце 30-х — начале 40-х гг. во вьетнамской лите-

ратуре происходила полемика вокруг проблем конфуцианства. Вслед за романом Нго Тат То, в котором экзамены становятся объектом критики, появились романы Тю Тхиена³, изображавшие систему конкурсных экзаменов в качестве высшего проявления государственной мудрости в феодальную эпоху⁴. В этом Н.И. Никулин видит отражение поисков опоры в духовном наследии национальной культуры и истории в непростой для страны исторически период [Никулин 2006: 55].

Нго Тат То (1894—1954) был хорошо знаком с традиционным образованием и системой конкурсных экзаменов. Писатель происходил из бедной семьи потомственных ученых-конфуцианцев. Его дед семь раз сдавал межпровинциальные экзамены, но был удостоен всего лишь второй степени *тутая*. В романе «Палатка и топчан» Нго Тат То оценивал эту ученую степень следующим образом: «Звание тутая, хотя и почетное, было все-таки замаскированным и смягченным отказом — оно не открывало пути к столичным экзаменам и высшим должностям»⁵ (180). Отец писателя сдавал экзамены шесть раз, но так и не смог достичь успеха и всю жизнь проработал сельским учителем. Нго Тат То также получил традиционное образование и стал последним в своем роду ученым-конфуцианцем. В интервью газете «Пчела» (Сон онг) от 1939 г. писатель отмечал, что уже в годы ученичества экзамены не вызывали у него энтузиазма, но ему все же пришлось их сдавать [Фан Кы Де 2010: 389]. На предварительных местных испытаниях в родной провинции Бакнинь Нго Тат То занял первое место, но на межпровинциальных экзаменах, в которых он участвовал дважды, в 1912 и в 1915 гг., ученой степени не получил. В 1918 г. система конкурсных экзаменов, просуществовавшая во Вьетнаме восемь с половиной веков, была отменена. Нго Тат То, подобно многим другим представителям вьетнамской интеллигенции первой половины XX в., обращается к европейской культуре и литературе и пробует себя в журналистике, сменив, как часто пишут во вьетнамских изданиях, кисть на стальное перо. В конце 30-х — начале 40-х гг. Нго Тат То создает свои самые известные произведения, такие как повесть «Лампа гаснет», очерки «Дела деревенские», написанные в русле критического реализма, а также исторический роман «Палатка и топчан».

«Палатка и топчан» — это роман о молодом школяре по имени Ван Хак, отличающемся необыкновенным талантом. Все вокруг сулят герою скорый успех на экзаменах, но Ван Хак проваливается на межпровинциальных испытаниях трижды, прежде чем его наконец-то удостоивают ученой степени *кыняна*⁶. Герой отправляется в столицу и участвует в столичных экзаменах, на которых становится первым лауреатом. После последнего экзамена, «соревнования в императорском дворце», Ван Хака арестовывают за неправильно употребленные иероглифы, но через три дня выпускают, и он возвращается домой.

Действие романа хронологически четко не определено и происходит при династии Нгуен где-то между 1831 г. (12 год правления императора Минь Манга) и 1884 г. (завоевание страны французами) [Фан Кы Де 2010: 392]. Описываемая система конкурсных экзаменов действительно вызывает у автора «и смех, и слезы».

Нго Тат То смеется над нелепостями и пороками экзаменационной системы традиционного Вьетнама, а также над тем, что с высоты его времени кажется безнадежно устаревшим. Ироничные нотки, звучат, например, когда на страницах романа появляется персонаж, удостоенный высшей ученой степени *тиенши*⁷. Описывая его одеяние: черные, с загнутыми вверх носками сапоги, длинную синюю юбку, голубой халат и ушастую шапку с вышитым серебром цветами, — автор говорит, что он как две капли воды был похож на игрушечных бумажных *тиенши*, которых продают на полнолуние восьмого месяца. Церемонию открытия межпровинциальных экзаменов Нго Тат То сравнивает с действием на сцене классического вьетнамского театра туонг, а главного экзаменатора с жезлом, высокой шапкой с ушами и табличкой с изображением павлина на груди — с персонажем народного театра тео, только без длинной бороды.

В романе высмеивается излишняя церемониальность конкурсных экзаменов. Церемония благодарения, во время которой новоиспеченные лауреаты межпровинциальных экзаменов благодарят сначала императора — за пожалованную им ученую степень, за шапки и халаты и приглашение на торжественный прием, а потом своих наставников и экзаменаторов, заканчивается беспорядком и бессмыслицей: «В конце концов ряды участников этого утомительного обря-

да утратили свою стройность; присутствующие переходили с одного места на другое и, отбивая поклоны, уже не очень ясно представляли, кого и за что они благодарят» (191).

Смех автора мы слышим и в эпизоде, когда стражники осматривают поклажу школяров, прежде чем пропустить их в ворота экзаменационного поля. В вещах одного из школяров они находят кальян для курения опиума. «Без опиума у меня ничего не получается» (83), — оправдываясь, говорит им соискатель. Другой школяр приносит с собой совок, и ему приходится смущенно объяснять досмотрщикам, что совок ему нужен, потому что он «мается животом». У третьего в кувшине с водой находят тщательно обмазанную воском бумагу, испещренную мелкими иероглифами. За это ему «дают по шее» и крепко связывают. Осматривая вещи еще одного школяра — «пожилого человека с испуганно бегающими глазами», — стражники замечают затычку на ножке топчана, под которой оказываются спрятанными два «Пособия для сочинителей». Этого «злоумышленника» также связывают, чтобы передать на суд.

Комичен образ школяра Чан Дык Тиня, «отпрыска» знатного семейства, который, не зная экзаменационных правил и будучи «не в ладу» с иероглификой, сдает экзамены только потому, что к этому его обязывает его социальное положение: «...если отпрыск такого семейства, тем более когда ему за тридцать, не ходит на экзамены, то это считается позором для достойных родителей» (130). Невежда, он любит напустить на себя важности и самодовольства и делать вид, будто он «дока в экзаменационных делах». В третий тур межпровинциальных экзаменов Дык Тинь проходит благодаря тому, что платит приличную сумму соискателям, которые готовы написать за него сочинение. «Ведь подумать только: этакая дубина, а о нем будут почтительно говорить как о преуспевшем в двух турах» (131), — сокрушается приятель главного героя.

Еще один образ невежественного школяра появляется в истории, рассказанной Ван Хаку его тестем за чашечкой чая. Знания этого школяра по имени Ми были настолько слабыми, что он провалился даже на отборочных испытаниях. Но прорицатель нагадал ему, что в этом же году Ми непременно преуспеет на экзаменах. Благодаря хлопотам его брата, обладателя степени *тиенши*, школяра

все-таки допускают на межпровинциальные экзамены. Ми проходит тур за туром благодаря старенькому-престаренькому старичку, который каждый раз появляется в его палатке и пишет за него сочинения. В результате школяр получает почетную степень *кыняна*. А когда он отправляется на поиски своего благодетеля, то узнает, что старичок оказался жившим в давние времена предком одного знатного рода. В дальнейшем Ми, достигший успеха сверхъестественным путем, а не благодаря своим знаниям, «пошел по дурной дорожке» и «растерял» достоинство ученого мужа. Кынян «спутался» с женой начальника деревенской стражи, а когда обманутый супруг застал их на месте преступления, он раздел «прелюбодеев» догола и привязал их к топчану, а потом приказал стражникам носить их по улицам, выставив на всеобщий позор.

Как бы ни была фантастична история про помощь потусторонних сил на экзаменах, в ней все же содержится горькая правда о том, что не всегда ученые степени присуждались самым достойным людям.

Суеверия, бытующие в кругу школяров, вызывают усмешку у главного героя, да и у самого автора. Ван Хак, видя, что из соседней палатки на экзаменационном поле повалили клубы дыма, думает, что начинается пожар, и выскакивает из своей палатки, но оказывается, что его сосед всего-навсего жжет ритуальные деньги. «Видимо, опасался, как бы его не стала преследовать неприкаянная душа какого-нибудь предка, и решил ее заранее умиловить» (85), — с улыбкой думает герой⁸. Сам он, хотя и, слушаясь жену и родственников, молится предкам и совершает положенные обряды перед экзаменами, относится к ним скептически: «... пользы от этих обрядов мало: совершай их, не совершай — все равно провалишься. Нет, не помогают мне духи предков. С какой же стати им молиться?» (74)

Главный герой близок автору. В его уста Нго Тат То часто вкладывает свои — ироничные или горькие критические — суждения. Но, пожалуй, горечи в романе больше, нежели смеха.

Присутствуя на занятиях в школе своего друга Кхак Мана и слушая, как юные ученики с трудом рассказывают выученные наизусть уроки, Ван Хак думает: «Неизвестно, за какие провинности заставляют детей зазубривать непонятные им слова. Откуда ребенку лет восьми-девяти, к примеру, знать, что такое хаос?» (34)

Слабым местом традиционной системы образования было то, что она не учила думать, а лишь способствовала развитию памяти. Любое творческое начало и самостоятельность мысли порицались. Все аспекты экзаменационных сочинений, даже оценки тех или иных исторических фигур, были строго регламентированы: «...о людях древности следует отзываться только положительно, а о людях более поздних времен — отрицательно» (140). Главного героя его наставник критикует за то, что он «слишком часто идет в разрез с общепринятыми правилами», что в его сочинениях попадаются такие фразы, которые «упорно идут против всех и всяческих правил и установлений. А в экзаменационных сочинениях... нет ошибки неприятельней, чем эта» (58).

Ван Хак не равнодушен к судьбам родины, и поэтому особую горечь у него вызывает то, что в экзаменационных вопросах, касающихся современности, в которых, казалось бы, речь должна была идти о животрепещущих событиях в родной стране, от школяров требовалось только повторение заученных с детства фраз.

Нго Тат То также подчеркивает чрезмерную строгость экзаменационных правил, несоизмеримость между проступком и наказанием. После окончания очередного тура экзаменов на воротах помимо большой почетной доски, на которой были написаны имена школяров, прошедших в следующий тур, вывешивали также малую, «позорную» доску. На «позорную» доску выносились имена тех соискателей, которые «написали слишком коротко», ведь считалось, что тем самым они проявили непочтительность к экзаменаторам. Эта же участь ожидала тех незадачливых школяров, которые не дописали одну черту в каком-либо иероглифе, и даже тех, кто сделал свыше десятка приписок, вставок, пропусков и исправлений. За подчистки и исправления «недолго в тюрьму угодить», — объясняет Ван Хак своему приятелю. — «Потому что могут подумать, будто ты сделал их нарочно, чтобы таким способом подать знак какому-нибудь экзаменатору» (145).

Кроме того, на позорную доску выносились имена тех, кто употребил запрещенные иероглифы или даже запрещенное сочетание иероглифов. Согласно указу императоров династии Нгуен, нельзя было употреблять иероглифы, обозначающие имена государей и

членов императорской фамилии, а также сочетания, обозначающие названия дворцов и усыпальниц в столице и ее окрестностях. Неполный запрет был наложен на имена бабушек, матушек и далеких предков императоров: такие знаки употреблять было можно, но их необходимо было видоизменять.

Существовало также «правило особого почтения»: все слова с неблагоприятным значением, такие как «свирепый», «темный», «ударять», «убивать», нельзя было ставить перед знаками, обозначающими государя («император», «властитель», «правитель», «монарх»), даже если студент писал о «беспутных» китайских правителях.

В ответах на вопросы о современности слова, обозначающие императора, слова, описывающие его добродетели, и все остальные слова нужно было заносить в три разные строки. Того, кто не занес в соответствующую строку особое слово, пропустил его, обвиняли в недостатке почтительности к императору. «За такое крепко бьют» (145), — говорит главный герой.

Свое отношение к экзаменационным правилам автор вкладывает в уста хозяина постоянного дома, где остановился Ван Хак и его друзья на время сдачи межпровинциальных конкурсных экзаменов: «О небо! Зачем же вводить такие сложности? Ведь избегать употребления сотен запрещенных иероглифов — одно это непомерная забота» (164). И далее: «Какое счастье, что я сызмальства был туп к учению, и пришлось мне бросить школу да заняться делом. Учись я малость получше, да взбреди мне в голову добиваться чиновных степеней, я бы всю жизнь только и делал, что нарушал правила да получал наказания!» (165)

Особый акцент делается на физических тяготах и лишениях, через которые приходится пройти экзаменуемым. Символами этих тягот можно считать палатку и топчан, вынесенными в название романа.

У тысяч соискателей, которые пришли сдавать конкурсные экзамены, одинаковая поклажа: бамбуковый топчан и каркас для палатки с одной стороны, накидка из листьев пальмы и свернутое полотно палатки либо тростниковая циновка с другой, тыква-горлянка, круглый бамбуковый футляр для бумажного свитка и сундучок или шкатулка на шее. «Все эти вещи, — пишет Нго Тат То, — большие

и маленькие, длинные и короткие, тяжелым грузом давили на хилые плечи и шеи студентов. По воле неба будущим ученым, прежде чем вступить на стезю почета и славы, предстояло побыть в шкуре носильщиков» (81).

Пользоваться услугами носильщиков на экзаменационном поле разрешалось только сыновьям из знатных родов.

В последний, четвертый тур межпровинциальных экзаменов удавалось пройти немногим (в романе говорится, что на первых для главного героя межпровинциальных экзаменах таковых было около сотни), поэтому палатки и топчаны доставлялись на экзаменационное поле накануне вечером. И хотя плечи участников заключительного тура были свободны от груза, на их шее «по-прежнему болтались футляр для тетради, тыквенная фляжка с водой, шкатулка или сундучок, которые при ходьбе больно ударяли в грудь и живот» (168).

Главный герой, Ван Хак, как и сам Нго Тат То в юности, сдает экзамены не по своему желанию. Он делает это, чтобы угодить честолюбивой жене и оправдать надежды своих родных, «постоять за семейную честь». И хотя он не решается на открытый протест против конкурсных экзаменов, скрытой формой протеста можно считать то, что дважды после окончания очередного тура экзаменов герой бросает все свои пожитки кроме сундучка и футляра со свитком на экзаменационном поле. Ван Хак не хочет быть «в шкуре носильщика». «Какого дьявола я стану тащить на себе все это барахло!» (117) — в сердцах восклицает он.

Тяготы школяров достигают пика во время второго тура межпровинциальных экзаменов. На первом туре соискатели страдали только от холода, однако на втором туре к холоду добавился еще и ливень. «Больше всего страдали студенты из бедняков, — пишет Нго Тат То. — Их рубашки и штаны из легкой ткани не могли защитить от пронизывающего холода. Руки у них сводило, и многие оказались не в силах держать даже почти невесомые каркасы для палаток. Люди походили на утопленников: лица стали синюшного цвета, губы посерели» (112).

К обеду вода стала затекать в палатки и под топчаны, поле превратилось в топкое болото. «Как же это могло случиться?» — задает вопрос автор. И тут же на него отвечает: «Дело в том, что место,

которое выделили под экзаменационное поле, еще пару месяцев назад было самым настоящим заливным рисовым полем» (113).

Ван Хак, хоть и был защищен от ливня палаткой, промок и продрог не меньше, чем под открытым небом. Думая о необходимости проставить печать середины дня, для чего ему нужно было выйти из палатки и стоять в очереди под дождем и порывами ледяного ветра, герой приходит в отчаяние, и у него в голове мелькает мысль все бросить и «освободиться на всю жизнь». «Такие экзамены, как сегодня, — сплошное унижение, — думает он. Даже если получишь высокие звания и должности — все равно не стоят они того, чтобы так мучиться» (114). Ван Хак хочет разорвать экзаменационную тетрадь в клочья, но останавливается, вспомнив, что студента, не сдавшего тетрадь, посадят под стражу, а если вернуть тетрадь, написав лишь несколько строк, попадешь в «позорные списки» и «ославишься» на всю жизнь.

Выйдя из палатки, герой видит людей, «больше похожих на беженцев... нежели на соискателей высоких титулов». Экзаменационное поле напоминает «рынок, над которым пронесся всепокрушающий тайфун». «Оказывается, многие палатки опрокинуло ветром и унесло, и немало студентов, не выдержав холода и дождя, не будучи в состоянии сосредоточиться, когда бушует стихия, вынуждены были сдать чистые тетради» (115).

Но даже такие испытания не могли сравниться с тем, что ждало школяров, отправлявшихся в столицу сдавать экзамены второй ступени. Дорога из родной деревни в столицу, город Хюе, занимает у Ван Хака и его друга Док Кунга месяц и десять дней. Героям приходится с тесакими и топорами прокладывать себе путь в густых джунглях, преодолевать крутые скалы, переходить быстрые ручьи, карабкаться вверх по крутизне или сползать вниз на коленях, ночевать на деревьях, чтобы спастись от пантер, тигров и змей... В дороге у Ван Хака поднимается жар. Позже он скажет своему другу: «Я думал тогда: такие муки не стоило бы терпеть даже ради того, чтобы стать императором, а уж ради того, чтобы получить ученую степень тиенши, — и подавно» (197).

Однако самый суровый обвинительный приговор системе конкурсных экзаменов Нго Тат То выносит тогда, когда показывает, ка-

кой трагедией в жизнях самых разных людей оборачивается стремление добиться успеха на экзаменационном поприще.

Писатель отмечает, что среди участников экзаменов есть и глубокие старики. История одного из таких соискателей показана крупным планом.

В ненастное утро по дороге на второй тур межпровинциальных экзаменов внимание Ван Хака и его товарищей привлекает седовласый старик, поскользнувшийся и распростершийся посреди дороги под грузом тяжелой ноши — палатки, топчана и сундучка. «В этакое ненастье не добрести ему до поля, — рассуждают друзья. — А ежели и доберется туда, разве сумеет хоть что-нибудь написать? Да в нем же едва жизнь теплится!» (110) Они хотят отвести его в ближайший дом и уложить отдыхать, но старик умоляет их помочь ему добраться до экзаменационного поля: шесть раз он уже сдавал экзамены, но каждый раз проваливался в первом же туре. И вот, наконец, его допустили ко второму туру. И он был согласен даже умереть на экзаменационном поле. В следующей главе мы узнаем, что старичок «так и скончался на ветру и холоде в своей палатке».

Другой старик на экзамене не успевает сдать свою тетрадь вовремя. Он умоляет письмоводителя принять его тетрадь, но тот уже запер и опечатал сундук с тетрадями, и как ему ни жалко старика, принять его тетрадь он не может. «Горе мне! — кричит старик. — В десятый раз уже сдаю экзамены. Ради этого продал и дом и землю. В последний раз попытал удачи — и вот на тебе, опоздал!» (92)

Как-то раз, беседуя со своими братьями и другом Док Кунгом, Ван Хак рассказывает историю о несчастном школяре, который славился умом и образованностью, но, несмотря на свой талант, так и не смог получить высшей ученой степени на межпровинциальных экзаменах. Причиной тому стал формализм конкурсных правил и заниженные оценки экзаменаторов. Чиновники предварительной экспертизы ставили юноше хорошие оценки, а чиновники второй экспертизы неизменно их занижали. В результате по общему числу хороших оценок школяр стал седьмым по списку, опередив многих из тех, кто удостоился высшей награды, но поскольку для допуска к заключительному туру необходимо было иметь хотя бы одну хорошую оценку, поставленную чиновником второй экспертизы, юноша

получил только ученую степень *тутая*. При этом его земляк, которому он помогал на трех первых турах, стал последним в списке *кынянов*. Эта неудача ломает школяру жизнь: юноша «пускается в разгул», «пьет днями и ночами» и играет в тотом⁹ четыре месяца, а потом он начинает харкать кровью и умирает.

Главный герой романа, Ван Хак, долгое время не может добиться успеха на экзаменах по схожим причинам: «Дело в том, что при императорском дворе рассудили, что хотя Ван Хак и достоин возглавить список лауреатов, но он еще слишком молод и в его сочинениях слишком чувствуется манерность и кичливость, а потому, если пожаловать ему ученую степень, юноша может возгордиться, занестись. Императорский двор поэтому, желая взлелеять юный талант и не дать ему погибнуть, решил считать Ван Хака провалившимся, дабы мог его дар развиваться и возмужать. На следующих же экзаменах дозволено будет увенчать его ученой степенью» (179—180).

Трижды провалившись на экзаменах, Ван Хак, обладающий блистательным талантом, из уверенного в себе и жизнерадостного юноши превращается в человека, одолеваемого сомнениями и тревогой: «Раньше, после каждого тура экзаменов он выходил из ворот, твердо уверенный в удаче, теперь же сомневался, мучился, был не уверен, что пройдет в следующий тур» (180). «В минуты тоски и одиночества, перебирая в уме свои экзаменационные сочинения и вспоминая о похвалах, которых он удостоился, Ван Хак говорил себе: «Нет, не может быть, чтобы я опять провалился». Но эта уверенность быстро развеивалась, а чувство тревоги не оставляло юношу ни днем, ни ночью» (181). Он «чувствовал себя так же, как птица, которая, пострадав не однажды от лука и стрел, начинает бояться любой изогнутой ветви» (181).

Герой разочаровывается в справедливости и объективности системы конкурсных экзаменов: «Если ты упорно занимаешься, если ты талантлив, то тебя непременно ожидает заслуженная награда, — так когда-то думал он. Но после неудачи на последнем экзамене он понял, что ни упорство, ни талант не гарантируют успеха, и стал верить в предопределенность судьбы» (181).

Теперь, когда сдача экзаменов стала для него обыденностью, юноша со стыдом принимает знаки внимания от родственников, ко-

торые по обычаю собираются в его доме каждый раз перед началом очередных конкурсных экзаменов. И он теряет вкус к развлечениям: если на своих первых экзаменах в ожидании результатов он коротал время в «веселых домах» и «предавался обильным возлияниям под звон струн и пение певиц», то после трех неудач он наотрез отказывается пуститься в разгул вместе с друзьями.

Но если одних конкурсные экзамены калечат, то других лишают человеческого достоинства.

Друг главного героя, уже немолодой учитель начальной школы Кхак Ман становится жалким перед лицом неудачи на экзаменах. Во время первого тура межпровинциальных экзаменов, когда раздается барабанный бой — сигнал к сдаче сочинений, — он умоляет своего друга, расположившегося по соседству, помочь ему дописать сочинение: «Помоги, не то я покончу с собой. Клянусь, покончу! Для чего мне жить, если я провалюсь!» (91)

Когда Кхак Ман не замечает своего имени на почетной доске после объявления результатов и думает, что он провалился, то из шутника превращается в озлобленного человека. На добродушное подшучивание друзей он отвечает откровенной грубостью и направляется к реке с таким понурым видом, что у его товарищей закрадываются сомнения, уж не в самом ли деле он собрался топиться. Однако все заканчивается благополучно: друзья Кхак Мана убеждают его, что он отнюдь не провалился, а просто не увидел своего имени, хотя оно и было написано крупными буквами. «Жалкий ты человечико! — говорит ему Ван Хак. — С таким дружбу водить — себя позорить» (106). Но Кхак Ману все равно, что думают его друзья. «Ругайте меня, поносите, — отвечает он, радуясь своему успеху, — мне теперь все нипочем» (106). И хотя на экзаменах, во время которых произошел вышеприведенный случай, Кхак Ман не добивается успеха, через несколько лет он все же получает степень *тутая*, при этом в списке лауреатов он числится последним. «Пожалуй, это самое для него подходящее, — говорит Док Кунг, — хоть и последний, но все же тутай» (189). Для такого невежды как Кхак Ман, это и в самом деле оказывается большой удачей, ведь в каждый следующий тур он проходил только благодаря помощи своих друзей.

После каждого тура экзаменов на улицах появляются пьяные провалившиеся соискатели, которые кричат, что их сочинения превосходны, и сами они порядочные люди, а экзаменаторы — невежды, и ищут, на ком бы сорвать свою досаду. Некоторые, не стыдясь прохожих, плачут навзрыд.

Нго Тат То также показывает, что конкурсные экзамены могут довести школяров до грани сумасшествия. В романе рассказывается, что один из лауреатов межпровинциальных экзаменов, узнав о своем успехе, «вдруг стал обоими кулаками колотить по шляпе, привешенной за шнурок на груди, потом заскакал, как воробей, и завопил: «Кому досталась свиная голова? Мне, мне!»» (189). Впрочем, скоро этот новоиспеченный кынян приходит в себя. «Видно, этот соискатель проваливался много раз, потому и обезумел от счастья» (190), — рассуждает один из школяров.

Сам Ван Хак в самом конце романа тоже кажется не вполне нормальным. После трех неудач на межпровинциальных экзаменах он наконец-то смог возглавить список лауреатов и получить ученую степень *кыняна*. На столичных экзаменах герой также становится первым лауреатом. Соискатели смотрят на него «с опаской и восхищением» и предрекают ему первое место на экзаменах последней ступени — в императорском дворце. Он и сам заранее убежден в победе. Казалось бы, столь желанная для его жены высшая ученая степень *тиенши* уже у него в кармане. Но после последних экзаменов юношу арестовывают. Вернувшись домой, о своей неудаче Ван Хак рассказывает «с довольной улыбкой!» С «веселым, улыбающимся лицом» он говорит, что употребил неправильно целых четыре иероглифа, за что его даже лишили звания первого лауреата. По-видимому, решив для себя никогда больше не сдавать экзамены, юноша наконец-то чувствует себя свободным и счастливым. Но с точки зрения ортодоксальных конфуцианцев, это решение действительно безумно.

Идея о том, что успех на конкурсных экзаменах не стоит того, чтобы к нему стремиться, усиливается благодаря тому, что в романе показана дальнейшая судьба одного школяра, удостоенного высшей ученой степени *тиенши*, а также благодаря композиционному построению произведения. Роман начинается с обсуждения в деревне

вести о том, что их односельчанин Чан Дан Лонг стал тиенши, а заканчивается известием о том, что императорский двор велел Лонгу встать во главе войска, а когда он потерпел поражение, то в наказание был сделан простым воином передового отряда. Таким образом, весь многолетний тернистый путь, проделанный Чан Дан Лонгом для того, чтобы достичь успеха на экзаменах и стать чиновником, оказывается напрасным. Ужасна постигшая его участь. Ван Хак жалеет своего однокашника: «Недавно преуспевшего на экзаменах юношу, который всю жизнь только и знал, что корпел над каноническими книгами, и ни разу не слышал выстрела, назначают военачальником и требуют, чтобы он истребил пиратов. И вот результат...» (208)

Четверостишие из поэмы «Стенания истерзанной души» Нгуен Зу¹⁰, приводимое в тексте романа, становится лейтмотивом всего произведения:

Я императорской власти должен свой меч поднести?
Разве иного нету пути?
Жирным сановником должен я стать,
Чтобы в парадной одежде голову низко склонять?¹¹

Справедливости ради стоит отметить, что в романе есть и идеальные образы ученых-конфуцианцев. Это, например, наставник Ван Хака второй лауреат из Тиенкиеу — человек высоконравственный, цитирующий Конфуция и пользующийся всеобщим уважением. Он талантливый учитель, и его школа славится по всей округе. В тот год, когда Ван Хак преуспевает на экзаменах, из двадцати пяти соискателей, удостоенных степени кыняна, семеро оказываются учениками второго лауреата из Тиенкиеу. Именно наставник сватает Ван Хака и этим не только устраивает его судьбу, но и помогает его невесте, которая так сильно хотела стать женой тиенши, что даже от этого заболела.

Еще один идеальный образ ученого-конфуцианца — это образ господина начальника учения Ханойской провинции, про которого говорится, что он был «великим знатоком книжной премудрости». «Почтенный седой старец» появляется на страницах романа в сцене, когда собравшаяся толпа школяров собирается разнести дом торговца, обидевшего одного из них. Начальника учения отправляют ус-

мирить бесчинствующую толпу. Старец выясняет, кто был зачинщиком, и каждому из участников конфликта предъявляет свое обвинение. Виновных он заставляет принести извинения и приказывает им явиться наутро в конфуцианских храм литературы для искупительного моления и наказания (десять палок). «Умно рассудил начальник учения!» (179) — восклицают Ван Хак и его братья, услышав об этой истории.

Таким образом, Нго Тат То критикует систему конкурсных экзаменов, но не отвергает ценностей конфуцианства.

В романе «Палатка и топчан» Нго Тат То показывает неэффективность и порочность системы конкурсных экзаменов в традиционном Вьетнаме. Задуманные как средство отбора самых талантливых людей в стране для службы государю, экзамены не только создавали лазейки для выдвижения не самых достойных и порядочных соискателей, но и зачастую губили эти самые таланты, калечили жизни людей. Формализм экзаменационных правил и субъективность экзаменаторов порождали душевные муки школяров, а тяготы и лишения, связанные со сдачей конкурсных экзаменов, — муки физические.

Средствами критики конкурсной системы становится и смех автора, и собственно критические суждения, вложенные писателем в уста главного героя, и содержание произведения — изображенные автором судьбы школяров.

Однако писатель не окончательно порывает с прошлым. Создавая образы идеальных ученых-конфуцианцев, воспитанных той же системой конкурсных экзаменов, которую он критикует, Нго Тат То как бы говорит, что нам есть чему поучиться у прошлого.

Использованная литература

Нго Тат То. Состязание в императорском дворце. Нгуен Конг Хоан. Избранные рассказы. М., 1982 (в тексте обозначено как Нго Тат То 1982).

Ngô Tất Tố. Lều chông (Нго Тат То. Палатка и топчан). Н., 2012 (в тексте обозначено как Нго Тат То 2012).

Никулин Н.И. Вступительная статья в кн. Нго Тат То. Состязание в императорском дворце. Нгуен Конг Хоан. Избранные рассказы. М., 1982 (в тексте обозначено как Никулин 1982).

Никулин Н.И. Кризис традиционных вероучений и вьетнамская литература первой половины XX в. // Религии в развитии литератур Азии и Африки XX в. М., 2006 (в тексте обозначено как: Никулин 2012).

Phan Cự Đệ, Trần Đình Hượu и др. Văn học Việt Nam (1900—1945) (Фан Кы Де, Чан Динь Хьеу и др. Вьетнамская литература (1900—1945)). Н., 2010 (в тексте обозначено как Фан Кы Де 2010).

Примечания

¹ В русском переводе этот роман вышел под названием «Состязание в императорском дворце» [Нго Тат То 1982], однако нами был использован более точный, буквальный перевод вьетнамского названия, поскольку в данной статье подчеркивается та важная смысловая нагрузка, которую несут на себе предметы, вынесенные в название романа.

² Топчан — легкая лежанка из бамбуковых палочек.

³ Тю Тхиен (1913—1992) — вьетнамский писатель, автор исторических романов, а также критик и исследователь вьетнамской литературы.

⁴ Речь идет о романах «Писчая кисть и тушечница» (Bút nghiên) и «Ученый-конфуцианец» (Nhà nho), вышедших в 1942 и 1943 гг. соответственно.

⁵ Все цитаты даются по [Нго Тат То 1982]. В скобках указаны страницы.

⁶ Высшая ученая степень, присуждаемая на межпровинциальных экзаменах, т.е. экзаменах первой ступени, которая в отличие от второй ученой степени — тутая, — позволяла соискателям участвовать в экзаменах следующей, второй ступени в столице.

⁷ Эта ученая степень была самой высшей из всех и присуждалась на экзаменах последней, третьей ступени, проводимых в императорском дворце.

⁸ Фраза об улыбке героя в русском переводе опущена. См. [Нго Тат То 2012: 105].

⁹ Вьетнамская карточная игра.

¹⁰ Поэма «Стенания истерзанной души» (Đoạn Trường Tân Thanh), также известная как «Поэма о Кьеу» (Truyện Kiều), — наиболее известное произведение великого вьетнамского поэта Нгуен Зу (1765—1820).

¹¹ Цит. по [Нго Тат То 1982: 42].

А.Я. Соколовский

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЬЕТНАМСКОГО КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

В настоящей статье рассматривается история становления дальневосточной вьетнамистики как важной составной части отечественного востоковедения и деятельность Вьетнамского культурно-образовательного центра Дальневосточного федерального университета.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный университет, Вьетнамский культурно-образовательный центр, Азиатско-Тихоокеанский регион, подготовка специалистов по Вьетнаму со знанием вьетнамского языка, преподавание вьетнамского языка, языковая и научная стажировка во Вьетнаме.

This article discusses the history of the formation of the Far East vietnamistiki as an important part of the domestic activities of Oriental and Vietnamese cultural and educational center of the Far Eastern Federal University.

Keywords: Far Eastern Federal University, Vietnamese cultural and educational center, the Asia-Pacific region, the training of specialists in Vietnam with knowledge of Vietnamese language, linguistic and scientific training in Vietnam.